

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет?

Модернизация и контрмодернизация – две естественные тенденции для любого общества, совершающего головокружительный исторический поворот от векового аграрного и сельского строя жизни к промышленному и городскому. Этот поворот требует полной смены парадигмы социального существования, коренного пересмотра основных правил всех игр: экономических, социальных, политических, военных, культурно-религиозных и т.д. Начиная играть по новым правилам, меняются и люди, меняется сам тип человеческой личности.

Ни одна страна, ни одно общество не совершали такого поворота безболезненно. Не стала исключением и Россия, которая к тому же оказалась одной из первых стран *догоняющей* модернизации. Заимствованные модернизационные нововведения пересаживались здесь на традиционную почву, еще не готовую их воспринять, сплавлялись в единое целое с выросшим на ней жизненным укладом, частично модернизировали их, а частично сами "традиционализировались". Полученная смесь, которую с гордостью называли "национальным своеобразием", пропитывала всю общественную ткань, определяя характер социальных институтов, культурных ценностей, способов политического действия, человеческих типов и т.д. Представляя собой соединение двух противоречивых начал, она отнюдь не упрощала исторического развития России, стремящейся, несмотря ни на что, к постепенному изживанию элементов традиционализма. Каждый новый шаг в этом направлении сопровождался полемикой традиционализма и модернизма, приобретающей порой очень большую остроту.

Постсоветский этап российской истории может рассматриваться как новый раунд модернизации, а стало быть, и новый раунд этой полемики. К чему привел Россию этот новый раунд?

Экономика

Современная западная экономика основана на преобладании рыночных механизмов, которые адекватны ее динамизму и с самого начала были главным инструментом ее становления и развития. Но отстающая страна не в состоянии догнать передовые без мощного государственного протекционизма, необходимого для того, чтобы перепрыгнуть через этапы, уже пройденные другими странами, и искусственно создать силы саморазвития современной экономики. С их возникновением государственное вмешательство в экономику должно быть резко сокращено. В противном случае средство перестает соответствовать цели и стопорит развитие.

Это хорошо понимал, в частности, С. Вите – крупнейший представитель дореволюционного российского протекционизма (имевший к тому же перед глазами при-

мер немецкого, бисмарковского протекционизма). «Задачи разумной торгово-промышленной политики, – писал он, – впервые были ясно осознаны и точно сформулированы Петром Великим. Его усилия завести в стране возможно большее количество заводов и фабрик вытекали из сознания, что страна не может быть сильной и могущественной, если у нее нет собственной обрабатывающей промышленности. При этом он считал весьма необходимой сильную государственную опеку, "понеже всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут"» [Витте, 1912, с. 204].

Но, будучи последовательным сторонником "государственной опеки" торгово-промышленного развития, Витте создавал и границы такой опеки, и ее преходящий характер. "С достижением же конечной цели протекционизма, с созданием прочной национальной промышленности, не боящейся иностранной конкуренции, и с зарождением деятельной внутренней конкуренции должен наступить конец самому протекционизму. Прямая логика его и заключается в самоуничтожении" [Витте, 1912, с. 215].

К сожалению, в советское время использование "государственного ресурса" для развития современной экономики – вынужденная традиционалистская мера, которая применялась в России с петровских времен, – было в буквальном смысле слова фетишизировано. Разросшаяся до невиданных размеров государственная опека экономики не только не воспринималась как полезный, но временный инструмент, но превратилась в самоцель. Государственный экономический централизм трактовался как едва ли не главная, сущностная черта "социализма", о его изначальной инструментальной, подсобной роли все давно забыли. Поэтому советская экономика напоминала человека, который упорно продолжает ходить, опираясь на костыли и заботясь о прочности этих костылей вместо того, чтобы разрабатывать выздоравливающие ноги.

Я уже пытался показать, на чем держалась устойчивость заблуждения по поводу централизованного планирования, точнее, в чем была корысть от него [Вишневский, 1998]. Понадобилось не одно десятилетие, чтобы с большим опозданием осознать истощенность возможностей огосударствленной экономики, ее контрмодернизационный эффект, имманентную ей склонность консервировать отставание. В конце концов были открыто признаны преимущества рынка, и начался ускоренный перевод экономики на рыночные рельсы. Это, конечно, было большим модернизационным прорывом, но вопрос о том, насколько глубоким он оказался (или может оказаться), пока остается открытым. Сейчас ясно только одно: рыночная модернизация еще не пронизала всю толщу российского экономического тела.

Полноценная рыночная экономика опирается прежде всего на внутренний рынок и на растущий платежеспособный спрос населения, но у российской экономики такой опоры нет. Она довольно успешно вписалась в мировой рынок, усилив экспортную ориентацию, унаследованную от советского госплановского хозяйствования. Однако не исключено, что именно это обстоятельство затормозило глубокие рыночные преобразования всего российского экономического организма.

К концу 1990-х гг. Россия практически восстановила прежние советские объемы экспорта нефти и значительно превысила объемы экспорта газа – и общие, и в расчете на душу населения, численность которого в стране после распада СССР уменьшилась вдвое.

В самом деле, в 1985 г. в СССР только за свободно конвертируемую валюту было продано 28,9 млн т сырой нефти, 30,6 млн т нефтепродуктов, 30,9 млрд кубометров природного газа. По оценкам, только стоимость нефти и нефтепродуктов, проданных в долларовую зону, составила в 1985 г. 12,84 млрд долл. [Славкина]. Кроме того, были еще немалые доходы от экспорта газа.

15 лет спустя, в 2000 г. Россия продала только за пределы СНГ 116 млн т сырой нефти, 53,9 млн т нефтепродуктов и 131 млрд кубометров газа. Экспорт нефти и нефтепродуктов принес 33,1 млрд долл. или 228 долл. на одного россиянина (в 1985 г. на одного жителя СССР приходилось порядка 46 долл., или почти в пять раз меньше). К этому следует добавить доходы от продажи 134 млрд кубометров газа. После

1997 г. данные об этом не публикуются, но в 1997 г. за проданные 121 млрд кубометров было выручено 10,7 млрд долл. Еще несколько миллиардов долларов приносит продажа нефти и газа в страны СНГ. В целом объем экспорта минерального сырья (куда, видимо, входит и природный газ, хотя из публикации Госкомстата это неясно) в 2000 г. составил 55,5 млрд долл., кроме того, было экспортировано на 22,3 млрд долл. металлов, драгоценных камней и изделий из них [Российский... табл. 24.16, 24.10]. В то же время резко сократились непроизводительные расходы государства на военное производство (в советское время огромные), а также государственные инвестиции в экономику.

На Россию буквально пролился золотой дождь. В мановение ока сложилась новая (точнее, перелицованная старая) экономическая элита, которая сосредоточила в своих руках все главные рычаги управления потоками невиданного богатства. В политическом смысле эта трансформация прошла довольно безболезненно, так как опиралась на безграничную поддержку государственной власти, отчасти и потому, что почти треть государственных расходов покрывается теперь за счет валютной выручки от экспорта. Но, конечно, немалая часть этой выручки расходуется на покрытие выросших потребительских расходов или на сбережения: львиная доля и того и другого приходится на узкий слой новой политической и экономической элиты. Тесно взаимодействуя, крупные игроки данных сфер нередко меняются местами.

Хотя этот новый слой в значительной степени "вылупился" из прежней "социалистической" номенклатуры, именно он первым оценил преимущества рыночного порядка вещей – бывшие привилегии номенклатуры выглядят просто жалкими на фоне возможностей, открывшихся перед "бывшими советскими", а теперь "новыми русскими" всех национальностей. Естественно, что они и стали главными – и очень влиятельными – защитниками рыночных принципов, правда, со многими ограничениями, вытекающими из их специфического полурыночного-полугосударственного положения.

Конечно, какой-то сдвиг в сторону модернизации всей экономической системы произошел. Централизм и монополизм – главные признаки "досовременных", не способных к эффективной самоорганизации экономических систем – сейчас намного слабее, чем при советской власти. Но они все еще очень сильны, тогда как децентрализационные тенденции пока маловыразительны. Рынок остается хилым, население – бедным, платежеспособный спрос – низким.

Подобно огосударственной советской экономике, водившей хоровод вокруг военно-промышленного комплекса, частная или государственно-частная экономика, ориентированная на экспорт энергоносителей, сырья, да хотя бы и того же вооружения, не нуждается во внутреннем рынке. Сегодня ее главный локомотив – крупный, ориентированный на внешние рынки капитал, основательно эксплуатирующий все тот же государственный ресурс.

В то же время едва ли можно сказать, что нынешнее российское государство удовлетворительно выполняет функции протекционистской опеки развития подзаброшенных промышленности и торговли за пределами сырьевых отраслей. В условиях благоденствия за счет ренты от природных ресурсов у него для этого просто нет достаточных стимулов. В результате обрабатывающая промышленность модернизируется крайне вяло – и не только с технической, но и с институциональной точки зрения. По оценке главного экономиста московского представительства Мирового банка К. Рюля, в России доля предприятий, созданных после начала реформ и действующих уже в конкурентных условиях, значительно ниже, чем в других странах с переходной экономикой. В странах Центральной Европы на предприятиях малого и среднего бизнеса работают порядка 60% всех занятых, а в России – 25% или около того. А большая часть работающего населения по-прежнему занята на старых крупных предприятиях, многие из которых неконкурентоспособны, и их динамика значительно ниже, чем у предприятий новой экономики [Время... 2002].

Социальная структура

Такое развитие экономики блокирует вертикальную социальную мобильность и тормозит давно назревшее превращение созданных советской модернизацией городских слоев в полноценный средний класс. Несмотря на появление немалого числа "новых русских", пропускная способность каналов "социального восхождения" в современной России пока представляется довольно ограниченной.

Сама возможность такого восхождения как обычного, достаточно массового явления существовала далеко не всегда. Исторически оно относительно ново и возникает там и тогда, где и когда социальная пирамида утрачивает свою обычную для всей прошлой истории форму шахматной пешки (широкое основание, узкие средняя и верхняя части), становится веретенообразной, расширяясь в середине и сужаясь книзу. До того, как это произошло, социальные перемещения остаются редкими и случайными, для подавляющего большинства народа характерна вынужденная социальная пассивность.

Традиционные сословные общества, по определению, характеризуются нулевым или близким к нему потенциалом вертикальных перемещений. Это не значит, что таких перемещений нет вообще. И в старой сословной России встречались разбогатевшие крепостные и разорившиеся дворяне, но это было скорее исключением, чем правилом. После отмены крепостного права социальная мобильность заметно усилилась. Тем не менее для большинства населения социальное восхождение было маловероятно, ибо ограниченным оставалось само количество относительно более высоких социальных статусов. Социальная пирамида по-прежнему имела широкое основание и узкие середину и вершину, что всегда свойственно слабо дифференцированным, бедным крестьянским обществам.

Казалось, что в XX в. интенсивное послереволюционное промышленно-городское развитие коренным образом изменило положение, ибо оно объективно вело к массовому появлению новых статусов, а значит, и новых ведущих к ним каналов социальной мобильности. Следует, однако, различать два типа изменений социальной структуры и связанных с ними социальных перемещений.

Один из них вызван к жизни единокровным, хотя и растянутым во времени превращением аграрного и сельского общества в промышленное и городское. Именно таким был сдвиг в социальной структуре российского, а затем и советского общества, начавшийся еще в пореформенный период – в конце XIX в. – и резко ускорившийся в советское время: превращение десятков миллионов крестьян в городских промышленных рабочих.

Данный сдвиг означал коренное обновление социальной структуры в соответствии с императивами времени, он соответствовал требованиям исторического развития и в этом смысле, несомненно, имел ярко выраженный модернизационный смысл. Неоспоримым проявлением, чтобы не сказать триумфом, модернизации были и изменения в положении большинства народа, получившего доступ к образованию, новым удобствам городской жизни, не существовавшим прежде возможностям здравоохранения и социального обеспечения, к достижениям культуры и т.д.

Все эти перемены производили большое впечатление и в самом СССР, и за его пределами, создавая иллюзию небывалой восходящей вертикальной мобильности, тогда как на деле они были просто следствием промышленно-городской трансформации, опиравшейся на подготовленные долгим западным развитием, а теперь на заимствованные советскими реформаторами технологии, а отчасти и способы организации социальной жизни. Форма же социальной пирамиды, в отличие от западной, оставалась прежней: узкие середина и вершина при широком основании, вблизи которого сосредоточивалось большинство населения. Идеология "равенства" закрепляла и оправдывала такое строение социального тела. Не предполагалось заимствование западной социальной пирамиды, возникшей как следствие двух типов социальных перемещений.

Один из них – уже упоминавшееся превращение нижнего слоя аграрного в нижний же слой промышленного общества, крестьян в рабочих, без изменения формы социальной пирамиды. Но одновременно с давних пор набирал силу другой тип структурных изменений и социальных перемещений, шло движение снизу вверх, расширялась, становилась все более многочисленной относительно обеспеченная и привилегированная социальная "середина". В результате во всех современных экономически развитых странах важное место в социальной структуре занимают средние городские слои, "средний класс". Именно он, заботясь прежде всего о собственной выгоде, стал главной движущей силой экономической, культурной и политической модернизации европейских обществ. Модернизация же, в свою очередь, привела к огромному расширению "ниши" среднего класса в социальной пирамиде. Способность и готовность поддерживать социальные процессы, отвечающие его интересам, и стали решающим фактором сохранения социальной устойчивости.

Существование среднего класса не исключает, а может быть даже и предполагает, наличие обездоленных, по сравнению с ним, социальных слоев, порой достаточно массовых. Здесь можно видеть социальную несправедливость и осуждать средний класс за то, что он дорожит своими привилегиями и готов эгоистически их отстаивать. Но нельзя отрицать, что появление социальной структуры с развитыми средними слоями привело к небывалому в истории сокращению доли низших слоев, прежде всегда составлявших подавляющее большинство народа. К тому же средний класс – "открытый", резкой границы между ним и менее благополучными социальными слоями не существует, а историческая тенденция заключается в расширении среднего класса за счет вертикальной мобильности снизу. Кроме того, стандарты жизни среднего класса, широко распространяясь, не могут не оказывать воздействия и на низшие слои. Если не говорить о "социальном дне", то низшие слои хотя и обездолены, но далеко не в такой степени, как в условиях социальной пирамиды прошлых веков.

Существование среднего класса не упраздняет также и наличия верхних социальных слоев, которые по-прежнему располагают огромной силой и властью и по-прежнему больше, чем кто бы то ни было, контролируют жизнь общества, управляют им. Но все же – и это тоже исторически новое явление – их сила теперь не безгранична, а власть – не безраздельна, они вынуждены считаться со средним классом, который добился своей доли – и немалой – в управлении делами общества и государства.

"Средний класс" – это довольно пестрая социальная среда, к которой могут относиться и преуспевающие "буржуа", и презируемые их интеллектуалы или художники-бессребренники. Но и те и другие выросли на одной исторической почве. Представители разных слоев среднего класса переплетаются между собой, связаны родственными, имущественными, профессиональными, культурными, политическими интересами. Несущей же конструкцией всей этой системы интересов служит частная собственность, накопленная, передаваемая по наследству, заработанная и т.д., которой обладают пусть и не все, но многие представители среднего класса, и которая обеспечивает относительную личную независимость, относительную свободу индивидуального выбора жизненного пути, образа жизни, идеологии и пр.

Западный средний класс неоднороден, многослоен, его социально-профессиональная структура характеризуется большим разнообразием. Все это создает предпосылки интенсивной внутренней социальной мобильности, переходов из одного слоя в другой, движения как вверх, так и вниз, что в конечном счете обеспечивает неограниченное множество вариантов социальной адаптации. Выход же за пределы среднего класса – как вверх, так и вниз – представляет собой, скорее, чрезвычайное событие и, влияя, разумеется, на индивидуальные судьбы, обычно не нарушает устойчивости веретенообразной социальной пирамиды.

Социальная структура советского общества долгое время не знала средних слоев. Эта структура "пешкообразная", напоминавшая структуру феодального общества, – немногочисленная знать и большинство одинаково бедного народа – сложилась в

период ранней советской индустриализации и отражала экономические реальности того времени: крайнюю ограниченность материальных ресурсов и необходимость концентрации их при решении нескольких узловых задач. Всеобщая бедность породила особую форму экономического и социального неравенства, которое, по-видимому, было одной из скрытых пружин тенденции ко всеобщему огосударствлению. Экономические возможности разных социальных групп были в значительной степени функцией их официального статуса, ибо измерялись мерой участия во владении общественным (читай – государственным) богатством, в его распределении и использовании, то есть, по существу, мерой доступа к рычагам власти.

Люди, в той или иной мере причастные к управлению и распределительно-обменным процессам (партийные и хозяйственные руководители и их окружение), составляли сравнительно небольшую долю населения. Массовые же слои общества доступа ни к управлению, ни к распределению не имели, а их социальная и экономическая стратификация была выражена крайне слабо. Какие-то различия, конечно, существовали: определяясь взаимодействием экономических, социальных, региональных, демографических и иных факторов, они, на первый взгляд, создавали довольно пеструю картину. Но в целом подавляющее большинство населения было одинаково бедно. В этом смысле все находились примерно в равном положении, резко отличавшемся от положения относительно узкого "номенклатурного" или околономенклатурного слоя, обладающего многообразными, часто тайными и плохо поддающимися измерению привилегиями, ставившими его вне экономических трудностей, которые постоянно испытывало большинство.

Однако изменения происходили и в СССР. Со временем, все еще оставаясь намного беднее старых промышленных стран, Советский Союз богател, его экономические возможности расширялись. Вместе с тем все больше утрачивала свой внутренний смысл социальная структура "социалистического феодализма", и здесь тоже появлялась своя социальная "середина", отличная как от статусной номенклатуры, так и от пролетаризированного рабоче-крестьянского большинства. Социальные слои, претендовавшие на такое срединное место, становились все более массовыми, расширялись, рекрутируясь из рабочих и крестьян, доля которых в социальной структуре соответственно сокращалась. Одновременно нарастало и критическое отношение к допотопной форме советской социальной пирамиды, назревавшая ее кардинальная перестройка. Она долго не могла начаться, но вот уже примерно пятнадцать лет стратификационное пространство российского постсоветского общества испытывает глубокие, но медленные преобразования.

А медленны они потому, что в условиях, когда значительные и наиболее выгодные секторы хозяйства ориентированы на внешний рынок, экономика снова не слишком нуждается в рынке внутреннем, а значит – и в массовых городских слоях как носителях платежеспособного спроса на этом рынке. В этом смысле экономика остается "полурыночной", что способствует консервированию во вполне городской России архаичной социальной пирамиды. Массивное основание пирамиды остается слабо структурированным, социально аморфным.

Политика

Архаика социальной пирамиды отзывается архаикой политической жизни. Европейский средний класс утверждал свою силу и власть, свою систему ценностей в ходе длительной политической борьбы против силы, власти и ценностей средневекового, сельского, дворянско-крестьянского мира. Она консолидировала средние слои, научила их отстаивать свои интересы, создала свойственную им политическую культуру и политическую традицию.

В современной России потенциальный средний класс – значительная часть городских слоев, по ряду характеристик (многие черты образа жизни, воспитания, психологии, ценностных ориентаций, уровень образования, профессиональный состав и пр.)

более или менее адекватных западному среднему классу, не соответствует ему по своему положению в социальной пирамиде. Он все еще сконцентрирован в ее массивной нижней части, не находит своего места на рынке ни в качестве продавца, ни в качестве покупателя, не вовлечен в модернизационные реформы и поэтому мало в них заинтересован.

Слабая структурированность общества и незрелость среднего класса препятствуют росту индивидуальной активности и изживанию мифологии единого "мира", "соборности", в которой тонут специфические индивидуальные и групповые интересы. Соответственно, и неудовлетворенность своим положением выражается в постоянном морализировании и вере, что "барин нас рассудит", а не в прагматическом политическом диалоге, когда стороны отстаивают свои осознанные интересы и ищут цивилизованные формальные процедуры разрешения неизбежных конфликтов этих интересов.

В свою очередь, отражающие разные интересы политические партии – инструмент такого диалога – не имеют достаточной социальной базы. Ценность социального и политического разнообразия и состязательности политического процесса пока не утвердила себя и поэтому не осознается. Гораздо больше ценится "единство", что и нашло отражение в названии наиболее преуспевающей партии, хотя партия Единая Россия – типичное *contradictio in adjecto*, ибо слово "партия" означает "часть", и в этом – весь смысл многопартийности.

Тем не менее до тех пор, пока не будет найден и реализован модернизационный курс, создающий новые капиталы массовой вертикальной мобильности, положение едва ли может быть кардинально изменено. При существующих условиях "политика", то есть деятельность, направленная на достижение влияния и власти, оказывается заложником аморфной структуры российского социума. Любой серьезный политический игрок вынужден вступать в борьбу за один и тот же электорат, ибо его большинство достаточно монолитно и откликается на одни и те же или схожие лозунги. Сейчас это большинство не вовлечено или слабо вовлечено в модернизационные перемены и потому часто воспринимает их враждебно. А это значит, что и политика, ищущая понимания и поддержки большинства, неизбежно приобретает контрмодернизационные черты.

Идеология

Всякое политическое действие требует идеологического обеспечения. Либеральные идеологии соответствуют смыслу того, что происходит в более модернизированных секторах российского социума, гораздо комфортнее чувствующих себя в климате, создаваемом безличными условиями децентрализованной экономики, свободной конкуренции, разделения властей, признания "прав человека", невмешательства государства в частную жизнь, идеологического плюрализма, свободы совести и т.д.

Однако когда разворачивается борьба за традиционалистски настроенный российский массовый электорат, все еще уповающий на государственный патернализм, либеральные идеологии не имеют больших шансов на успех. Напротив, демонстрация антилиберализма находит благодарный отклик в "широких массах" и приносит политическую поддержку, победу на выборах и т.д. Поэтому политики все чаще склоняются к более или менее выраженной эксплуатации антилиберальных, авторитаристских или даже тоталитаристских "государственнических" идеологий.

В современной России – это прежде всего набор коммунистических идеологем и мифологем советского образца, все еще сохраняющих влияние на значительную часть электората. Но так как это влияние все же сильно подорвано самим советским опытом и сейчас уже далеко не безраздельно, все четче обозначается альтернативная идеологическая линия, ведущая свое происхождение от белоэмигрантских идеологий 1920-х гг.

В 1923 г. Н. Бердяев опубликовал книгу с характерным названием "Новое средневековье". На ее примере видно, что с самого начала эмигрантская мысль, выступавшая с критикой советского режима, не совсем отрицала советский опыт, а во многом и оправдывала его. Антилиберальные мотивы в такой критике часто звучали намного сильнее антитоталитарных. "Антигуманистические выводы, которые сделал из гуманизма коммунизм, стоят на уровне нашей эпохи и связаны с ее движением", – утверждал Бердяев [Бердяев, 1991, с. 11].

Хотя сам Бердяев впоследствии во многом отошел от идей этой книги, она сыграла важную роль в разработке российских "неосредневековых" проектов. С наибольшей последовательностью проект, который можно назвать "православно-большевистским", разработали "евразийцы". Он обладал всеми чертами набравшего в 1920-е гг. силу необольшевистского проекта (огосударствленная экономика, тоталитарная идеология, однопартийная политическая система, антизападничество, антилиберализм и пр.) и подобно ему был подсказан истинным ходом событий в СССР. В целом евразийцы этот ход событий одобряли, подчеркивая, что объясняют его действием "народной стихии, а не коммунистов, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями" [Евразийство... 1992, с. 399].

На первый взгляд, евразийский политический проект, противостоявший большевистскому, был симметричен, в главном тождествен ему, нацелен не на устранение тоталитаризма и замену его демократией, а на замену одного типа тоталитаризма другим. "Необходимо, – утверждали евразийцы, – создать новую партию, которая бы являлась носителем этой новой идеологии и смогла занять место коммунистической... Мысля новую партию как преемницу большевиков, мы уже придаем понятию партия совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в Европе. Она – партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Она – государственно-идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией" [Евразийство... 1992, с. 394–395].

Однако мне кажется, что изначально существовало и серьезное различие между евразийским и большевистским проектами. Оно заключалось в отношении к модернизации. Большевики делали главную ставку на индустриализацию России, и это обеспечивало им более или менее долговременную поддержку всех модернизаторских сил, хотя в конце концов стало ясно, что индустриализация – далеко не вся модернизация.

У евразийцев не было и такого модернизационного порыва. Самый дух индустриализма должен потерпеть крушение, и тогда изменятся и принципы, определяющие отношение человека к вещам. А преобразование духа, конечно, возможно только путем религиозного и духовного возрождения... Евразийство... призывает к устранению капиталистического строя, исходя из утверждения преобладания духовных начал над материальными. Утверждение это оно черпает из глубоких корней православной веры, для которой идеал нестяжательства был всегда идеалом руководящим и высшим" [Алексеев, 2000, с. 265].

Конечно, было бы большим преувеличением утверждать, что сегодня идеи евразийцев овладевают массами с такой же силой, с какой некогда ими овладела идея мировой революции и построения царства Божия на земле. Однако и недооценивать потенциал этих идей и их, так сказать, политическую перспективность не следует. Они во многом отвечают настроениям массивного "низа" социальной пирамиды, а многие их элементы давно уже эксплуатируются различными политическими силами, в том числе – и едва ли не в первую очередь – российскими коммунистами и их "народно-патриотическим" окружением.

В то же время, как было отмечено, использование либеральных лозунгов не сулит никому большого электорального успеха. Отношение к либералам в современ-

ной России не слишком отличается от того, каким оно было в СССР или в Германии и Италии 1930-х гг. И в этом таится большая опасность. Влиятельность антилиберальных идеологий – следствие незавершенности экономической и социальной модернизации России, но она же – и препятствие завершению модернизационного процесса. Если эти идеологии и основанная на них политика возобладают, он существенно замедлится.

Россия в очередной раз стоит на перепутье, напоминая богатыря, раздумывающего на развилке дорог, куда ему повернуть: налево или направо. При этом едва ли не в самом сложном положении оказывается российская власть. Россия быстро теряет экономический и политический вес в мире (вследствие не столько того, что происходит в самой России, сколько глобальных сдвигов, появления на мировой арене новых, потенциально очень сильных игроков). Безоговорочное принятие "западных" (а на самом деле, просто последовательно модернистских) ценностей – единственный доступный России способ удержаться на плаву. Похоже, что нынешняя власть это осознает более или менее ясно. Но она связана по рукам и ногам традиционалистскими, контрмодернистскими настроениями общества. Так что исход нынешнего раунда модернизации страны пока остается неясным. А это, может быть, ее последний шанс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // *Алексеев Н.* Русский народ и государство. М., 2000.

Бердяев Н. Новое средневековье. М., 1991.

Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912.

Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Время новостей. 2002. 5 декабря.

Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.

Российский статистический ежегодник 2001. М., 2002.

Славкина М.В. Развитие нефтегазового комплекса СССР в 60–80-е гг.: большие победы и упущенные возможности. Доклад на IX Международной конференции "Ломоносов-2002" (<http://www.hist.msu.ru/Science/LMNS2002/24.htm>).

А. Вишневский, 2004